

АâàæäÛ ñì î ò ð ã â ø è é ñ ì á ð è â ã ä è à çà

Все дальше уходят в историю годы Великой Отечественной войны, затронувшей своими жестокими нравами каждый дом и коснувшейся в той или иной степени каждого человека. Недаром страшные военные годы называют «лихолетьем», но советский народ все вынес, выстоял и победил. О войне написано много книг и воспоминаний, но обо всем никогда не напишешь и в кинофильмах всего не покажешь. В последнее время, в годы пресловутой «перестройки» появилось немало различного рода писак, о войне лишь слышавших или видевших ее только в кино, но берущих на себя смелость рассказывать о ней, - чаще всего по политическим мотивам или же по чьему-то заказу. По моему глубоко-му убеждению, правду о войне может писать лишь тот, кто на своей «шкуре» испытал ее, представляет, говоря словами А.Твардовского «что такое малый, а что такое большой сабантуй, а не знаешь - не толкуй». Я отношу себя к тому поколению, которое в начальный период называли «детьми войны», а потом ставшее ее полноправным участником. Впечатлений от пережитого было много, но в моей памяти особенно отчетливо запечатлелись два момента, когда мне в прямом смысле слова приходилось смотреть смерти в глаза. Может кому-то показаться, что они касаются только лично меня, однако в них проявляется истинный облик фашизма.

В начале Великой Отечественной войны я был подростком: в ту пору мне не исполнилось еще и 15 лет. Родился я и проживал вместе с родными в хуторе Гезово Щербатовского сельсовета Алексеевского района тогдашней Воронежской, а ныне Белгородской области. Летом 1942 г. фронт приблизился к нашим местам, последовало указание об эвакуации ценного имущества, отгоне в глубокий тыл скота и пр. В нашем колхозе быстро создали группу, в основном из подростков и стариков, в которую включили и

Монтус Василий Никитович – ветеран Великой Отечественной войны (г. Опочка, Псковской области)

меня. В течение суток сформировали из овец и крупного рогатого скота стадо, и мы погнали его в направлении Воронежа. Через двое суток, когда мы прошли примерно 35 км, нас настигли отступающие части Красной Армии. Командир подошел к старшему нашей группы и сообщил, что немцы уже подошли к Дону (от нас примерно в 90 км), велел основную часть скота раздать бойцам, а с оставшейся частью животных вернуться домой и готовиться жить «под немцем». Мы так и поступили. В родной деревне колхозники все же решили на сходе сохранить колхоз, вернее то, что осталось от колхозного имущества: поставить на скотном дворе волов, непригодных для армии лошадей, сообща проводить сельхозработы. Так началась наша жизнь на оккупированной территории, продолжавшаяся в течение полугода - с июля 1942 по январь 1943 гг.

В середине октября 1942 г. в нашу деревню прибыл полк, состоявший из союзников Германии - венгров (в народе их называли мадьярами), но во главе каждого его подразделения стоял немец. Солдат-венгров разместили по домам, каковых в деревне было свыше 70. В наш дом, где я проживал с отцом и сестрой, тоже вселился «квартирант» - молодой немец в военной форме цвета морской волны, на плечах его были узкие погоны с белой окантовкой. Он сразу же приказал закрыть одну из двух имевшихся в доме комнат, всем переселиться в другую, где проживал и сам. Звали нашего «квартиранта» Иоганн Лоахин Кроль. Когда он ложился спать, то в изголовье клал заряженный автомат, а пистолет на предохранителе - на стул возле кровати. Однажды, пройдя в комнату, он собрал всех нас, повесил на стену большую карту Европы и на ломаном русском языке стал восхищаться тем, какой большой стала Германия, показывая при этом территорию от Португалии до Уральского хребта.

Что толкнуло меня, 15-летнего подростка, на безрассудный шаг, не помню, но я подошел к карте и произнес, смешивая русские

слова с немцами: «Никс гросс Дойчланд. Гитлеру капут, в Берлин придет Советунион армия!». Услышав эти слова от мальчугана, немец вскочил, будто его кипятком ошпарили, схватил пистолет, взвел курок и приставил к моему лбу. Выкрикивал при этом ругательные и оскорбительные слова и готов был выстрелить. Отец бросился к нему в ноги, то же с плачем сделала и сестра. Кроль опустил пистолет и наотмашь ударил меня в лицо. От сильного удара я как подкошенный упал на пол. Несколько успокоившись, немец велел всем ложиться спать на своих местах, а мне приказал лечь на полу возле двери. Сестра бросила мне фуфайку, на которой и я пролежал без сна всю ночь. С этого момента при каждой встрече со мной Кроль придирчивым взором осматривал меня с ног до головы. Так продолжалось все время, пока он у нас жил. Для меня же это была первая встреча со смертью, которой в прямом смысле слова пришлось смотреть в глаза. Она осталась в памяти на всю жизнь.

Скот, который содержался на колхозном дворе, подростки и старики в порядке очередности кормили, поили, по ночам дежурили на ферме. Как-то в начале декабря 1942 г., который оказался снежным и морозным, была очередь моего дежурства. Проведя на ферме бессонную ночь, я пришел со смены домой, перекусил картошки «в мундирах» с хлебом, взобрался на русскую печь и крепко уснул. А в этот день немцы организовали крупную облаву на партизан, подвергнув обыску все дома, сараи, другие постройки. Несколько вооруженных солдат ворвались и в наш дом. Увидев меня, спящего на печи, один из солдат стащил меня за ногу и с грохотом бросил на пол. Другие, занятые обыском, стали кричать: «Партизан! Партизан!». Затем вывели меня раздетого на улицу (я едва успел сунуть ноги в старые валенки). Возле дома стоял взвод вооруженных солдат, трое из которых вышли из строя, стали впереди меня, приказали заложить руки за спину и повели вдоль улицы к зданию начальной школы. Шагах в пяти за мной шли остальные немцы. У школы стояла толпа односельчан - все с опущенными головами, женщины, закрывая лица платками, тихо всхлипывали. Возле школы я увидел сооруженную виселицу с веревочной

петлей и стулом под ней. Понял: пришел мой конец! И вдруг на деревенской улице я услышал крик, а затем и бегущего к нам человека. Бежал мужчина, размахивавший руками и кричавший: «Приостановите казнь!..». Это был староста нашей деревни, мой однофамилец Кондрат Дмитриевич Монтус. Он подбежал к немцу, руководившему казнью, и стал ему объяснять, кто я такой, почему спал, и стал умолять пощадить меня. Подтвердили слова старосты и другие односельчане. Тогда немец приказал отвести меня в комендатуру. Проведя в декабрьский день полураздетого через всю деревню, меня поместили в подвал и установили охрану. А потом по очереди стали приводить в комендатуру людей и каждого спрашивали обо мне: кто я - партизан или же простой мальчуган из деревни Гезово. Убедившись, что никакой я не партизан, вечером солдат вывел меня из подвала, пинком сапога ударил в спину. Упав в сугроб, я быстро вскочил и побрел домой, где со слезами на глазах меня встретили родные. Одна из моих сестер, очевидец того случая, и сегодня в 90-летнем возрасте проживает со мной в Опочке. Когда я завожу разговор об этом эпизоде своей жизни, она всякий раз просит не вспоминать об этом. Так второй раз смерть снова заглянула мне в глаза.

В 1944 г. я был призван в Красную Армию, участвовал в 1945 г. в боях под Кенигсбергом, понюхав «фронтowego пороха», а затем служил в армии до 1956 г. В 1946 г. я получил от сестры письмо, в котором она сообщила, что бывший староста Кондрат Дмитриевич Монтус за «пособничество немецким оккупантам» арестован и скоро предстанет в Воронеже перед судом военного трибунала. Я показал письмо командиру части капитану Намову, подробно рассказал ему о своей судьбе, и особенно о двух приведенных выше эпизодах. Он внимательно меня выслушал и помог написать письмо в судебные органы Воронежа. Через некоторое время я узнал, что письмо возымело действие. Как известно, наказывали тогда «пособников» очень строго: получали они кто по 10, а иные и все 25 лет заключения. Бывший же староста К.Д.Монтус был лишь выслан с семьей на поселение в Челябинскую область. Сегодня, конечно же, просто по возрасту его нет в живых.

Вся моя послеармейская жизнь прошла в Опочке, ставшей для меня второй родиной. Здесь я создал семью, был рабочим, директором спиртзавода, председателем Опочецкого горисполкома, секретарем райкома КПСС, трудился в других организациях и на предприятиях, закончив трудовую деятельность председателем райкома профсоюза агропромышленного комплекса. Хотя последнее утверждение не совсем верно: я продолжаю трудиться по сей день, уже в течение 20 лет возглавляя ветеранскую организацию района. С высоты прожитых лет имею право с уверенностью и гордостью сказать: жизнь свою я прожил не зря, я честно служил людям и оправдывал их надежды. Вот уже два года на моем доме висит табличка с надписью: «В этом доме проживает Почетный гражданин муниципального образования «Опочецкий район» Монтус Василий Никитович».